

УДК 327.2 (355.4)

Караман В.Н.

**Русский Дальний Восток как стратегический
плацдарм гегемонии в Азии
(1860-е – 1960-е гг.)**

**Russian Far East, as strategic base of hegemony in Asia
(1860 – 1960)**

В статье затронуты вопросы, касающиеся русского Дальнего Востока, как военно-стратегической категории. Военные конфликты второй половины XIX – второй половины XX века рассматриваются с военно-стратегической точки зрения. Прослеживается путь, пройденный Россией за столетие обладания Дальним Востоком. Рассматриваются те военные конфликты, которые коснулись региона, и их геополитическое влияние на него.

Ключевые слова: военное дело, геополитика, Азия, Россия, русский Дальний Восток.

The questions of the Russian Far East as the military-strategic category are given in the article. The military conflicts of the second half of the nineteenth – twentieth centuries are considered from the military-strategic point of view. The way which Russia passed for the hundred of being the owner of the Far East is considered in the article. And also the military conflicts touching the region and their geopolitical influence on it are examined.

Key words: *military science, geopolitics, Asia, Russia, Russian Far East.*

После распада Советского Союза непропорциональная распределенность населения по территории России, продолжающаяся миграция с русского Дальнего Востока в европейскую часть и за рубеж, делает Россию крайне уязвимой в геополитическом отношении. При этом русский Дальний Восток уже в силу своего географического положения, с еще

не вычерпанными ресурсами является крупнейшим регионом Азии. Наличие огромных природных богатств при мировом финансовом кризисе резко усиливают его уязвимость. Все это делает тему стратегического положения русского Дальнего Востока одной из основных в общественно-политической жизни страны. Последние военно-политические события в мире показывают, что борьба за гегемонию в мире, за контроль и распоряжение все убывающими природными ресурсами военным путем далеко не ушли в прошлое, а так и остались одним из видов человеческой деятельности. Геополитический идеализм¹ (новомодный, но очень удачный термин), так и не стал реальностью, хотя носителей такого сознания не так уж и мало, но не настолько, чтобы стать реальной силой (по Ленину). Идея «справедливого» перераспределения природных ресурсов настолько несовершенна, что вызывает вполне справедливые подозрения в ее принадлежности к той части информационной войны, которая создает идеологическое прикрытие возможности отторжения от России наиболее ресурсосодержащих регионов [7]. Конечно, война становится все более дорогостоящим мероприятием, и если исходить из постулата Клаузевица, что «война есть продолжение политики» [5], то невоенные способы, пока более эффективны для достижения поставленных задач (в частности контроль над ресурсами). Но, как только война окажется более эффективным средством, она будет тотчас развязана. А все сдерживающие факторы (ООН, «мировое общественное мнение» и т. д.), только слегка притормозят и несколько увеличат расходы на войну (ее информационная часть), но не остановят ее.

Если войну рассматривать как реализацию права сильного, то создание и укрепление военно-стратегических плацдармов, есть использование возможности стать сильным. Победа и поражение во многом определяются тем, сумеет ли государство вовремя распознать и использовать военно-стратегический потенциал своих регионов [11].

За период, когда Дальний Восток стал частью Российской империи до второй половины XX века России приходилось вести несколько раз боевые действия непосредственно вблизи своих дальневосточных границ: война с ихэтуанями, русско-японская война (1904-05 гг.), операции по ликвидации хунхузов (1900-1917 гг.), интервенция на Дальнем Востоке (1918-1925 гг.), конфликт на КВЖД (1929 г.), бои у о. Хасан (1938 г.) и на р. Халхин-гол (1939 г.), советско-японская (1945 г.), бои на о. Даманский (1969 г.).

Соответственно, получают несколько периодов. Они определяются теми военными столкновениями, в которых так или иначе был задействован потенциал Дальнего Востока.

К середине XIX века вопрос восточных границ России еще не был окончательно решен. Деятельность Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева-Амурского на юге Дальнего Востока решила проблему образования русского Дальнего Востока как стратегического плацдарма. Они сделали наиболее логичный и в стратегическом плане спасительный для России шаг. Это было осознано не сразу и не всеми [10, 14]. Но главное, это нашло поддержку сначала Николая I, а затем и Александра II. Здесь, пожалуй, будет уместна такая параллель: две фигуры мировой истории, мало схожие между собой (русский царь Николай I, и израильский генерал Моше Даян), однажды оказались в схожей ситуации, но решение они приняли не просто разное, а диаметрально противоположное.

Николай I, которого вряд ли можно назвать очень мудрым и даль-

¹ Геополитический идеализм — попытки установления мирового порядка на основе международного права без войн и доминирования великих держав (термин дается по Сетевому проекту Аналитического и образовательного портала «Институт геополитики профессора Дергачева» URL: <http://dergachev.ru/meo/04.html>)

новидным политиком, однако его резолюция на действия Г.И. Невельского «где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен» [8, с. 114], после того как Г.И. Невельской поднял русский флаг на берегах Амура оказалась более геополитически мудрой, чем решение героя шестидневной войны. После блестящей военной победы Израиля Моше Даян приказал, несмотря на энергичные протесты главного раввина ЦАХАЛа Шломо Горена, снять израильский флаг с Храмовой горы и это буквально через несколько часов после того, как израильские парашютисты взяли Иерусалим [9]. В принципе Николай I повторил применительно к схожему случаю слова морского устава: «Все корабли российские не должны ни перед кем спускать флага».

По мнению такого военного стратега как А.А. Свечин, как раз к этому периоду Россия стояла перед сложными задачами и главной была юго-восточная граница России. Без этого Россия могла оказаться в положении, в котором она была в XIV веке «между Ордой и Литвой»: «В течение четырех веков после разгрома Азии Тамерланом Россия располагала тылом, обеспеченным той политико-экономической просторацией, в которой находились азиатские народы, и могла уделять все свои силы и внимание европейским делам. Но в последней трети XIX столетия в Японии закипела энергичнейшая реформаторская работа, и в 1895 г. Япония, окрепшая и усвоившая завоевания европейской техники, совершила первую, весьма успешную пробу своих сил в войне с Китаем. » [12, с. 449].

Со времени подписания Пекинского договора до начала XX века идет только хозяйственное освоение Дальневосточного региона. Целенаправленной политики по созданию стратегического плацдарма не просматривается. Создание как минимум военной силы, сопоставимой с европейской частью России не планируется. Созданные воинские соединения еще малочисленны и не способны к полномасштабной войне и это притом, что Россия стала впрямую граничить с наиболее густонаселенным регионом мира.

Однако необходимость заставляет более уважительно смотреть на Дальний Восток и Россия начинает в 1897 году постройку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). При планировании постройки основным критерием стала финансовая выгода, а не стратегическое укрепление дальневосточного региона. В 1899 году создается Восточный институт, как прикладное учреждение в военно-экономических целях. Это пожалуй самое стратегически важное решение, принятое в тот период. В последующие годы выпускники именно этого заведения оказались наиболее востребованы в военных целях.

Слабость Цинской империи особенно проявившаяся после Опиумных войн (1839-42, 1856-60 гг.) позволила иностранным державам решить, что Китай годен только для колониальной экспансии. В результате вместо слабого тогда Китая России пришлось столкнуться с мощными конкурентами за гегемонию в Азии. Главный стратегический просчет был в недооценке азиатских стран. Причем, просчет этот сделали и все европейские державы. Хотя европейские аналитики не строили особых иллюзий в отношении Японии: «Если я не особенно ошибаюсь, этот небольшой народ, восточный до мозга костей, вполне готов доказать выстрелами своих орудий, что шесть великих держав – только часть всего мира. Что участь их в конце концов зависит от храбрости их солдат, как и участь накопленных ими богатств, свободы и всего того, что они считают для себя наиболее дорогим» [2, с. 12-13].

Война с ихэтуанями оказалась пробой сил. Наилучший урок для себя извлекла Япония. В результате она оказалась за короткий срок доминирующей силой в Азии.

Именно во время войны с ихэтуанями наметились те противоречия, которые очень четко обозначились во время русско-японской войны. Императорское правительство оказалось не способно развить потенциал Дальнего Востока на службу России, а направило все усилия на выкачивание средств из Маньчжурии. Поражение в русско-японской войне не было катастрофой, но как говорится, оно стало последним звонком, требующим уделить внимание Дальнему Востоку.

Русско-японская война может служить классическим образцом того как стратегическая подготовка по военному, дипломатическому, идеологическому направлениям фактически решают исход намечавшейся войны. Практически все и современники, и исследователи отмечают, что Япония, в отличие от России, вела войну с крайним напряжением сил, и что одно, даже не самое значительное поражение могло поставить крест на дальнейшей экспансии Японии в Азии [6, 12]. Япония заняла очень выгодную идеологическую позицию (на которой Япония стояла вплоть до капитуляции в 1945 г.), Она выступила, как «как защитница Дальнего Востока от русского империализма, как паладин всех других империалистов, заинтересованных в том, чтобы их доля в Китае не умилилась. Японской дипломатии удалось добиться и дружественного отношения со стороны китайцев, что имело крупное значение, так как военные действия происходили на китайской территории, и что было очень не легко после поражения и насилия над Китаем в 1895 году» [11, с. 73]. К концу 30-х годов XX века это вылилось в геополитическое направление, которое получило красноречивое название «сфера соприцветания Великой Восточной Азии». В этом плане характерны слова последнего куплета популярного в то время японского военного марша (露営の歌)¹:

...
Мир в Азии.
Какая жертва может быть слишком большой?

В императорской России же на государственном уровне не было сделано ничего, чтобы поколебать эту позицию. Результат не замедлил сказаться. В России никто не видел смысла в войне с Японией. [6, 9].

Потенциал Дальнего Востока не был ясен для правительства, и для большинства населения России, и для многих влиятельных лиц в Петербурге, а ведь последним приходилось принимать решения, которые в дальнейшем определяли развитие России. Необходимость стратегического развития приходилось доказывать: В частности, поэтому поводу В.К. Арсеньев писал: «При царском правительстве по отношению к Дальнему Востоку никогда не было определенной политики. То на него смотрели, как на бесполезную колонию, то вдруг возникала кровопролитная война с Японией из-за влияния в Корее и Маньчжурии; то раздавались голоса из Петербурга о том, что портофранко нужно до зареза и затем совершенно неожиданно многие предметы первой необходимости облагались высокой таможенной пошлиной. Тоже самое и по отношению к соседям: то преследовали японцев и покровительствовали китайцам, то гнали корейцев и устраивали альянсы с японцами, но потом в немилость впадали китайцы и появлялось полное равнодушие к корейцам. Что же касается до туземного населения, то к нему бывшее правительство относилось более чем безразлично. В 1822 году было выработано особое «Положение об инородцах», которое по существу оставалось чисто бумажным делом. В 1848 году оно пересматривалось особой комиссией, которая работы своей не закончила. Тогда в распоряжении правительства не было сколько-нибудь сносной статистики даже для взимания ясака» (ПГОМ. МПК-15433-200). Наиболее последовательным адми-

¹ «Бивачная песня»

нистратором, отстаивавшим интересы Дальнего Востока и сделавшим его стратегическим плацдармом России на Востоке был П.Ф. Унтербергер. Не будет преувеличением сказать и то, что изгнание интервентов с русского Дальнего Востока было подготовлено и его предшествующей деятельностью на посту как военного губернатора, так и генерал-губернатора. В этом отношении деятельность П.Ф. Унтербергера была наиболее успешной. Достаточно упомянуть создание Владивостокской крепости. Хотя к этому времени крепости начинают утрачивать былое значение, [4, 11] на Владивостокскую смотрели, как на серьезное препятствие на пути захвата Дальнего Востока [14].

Несмотря на то, что сам Китай был объектом экспансии, китайцы стали все в большем количестве проникать на территорию русского Дальнего Востока. Особой проблемой были хунхузы. Сменивший П.Ф. Унтербергера Н.Л. Гондатти несколько «ослабил вожжи». По нескольким проектам В.К. Арсеньева засилье хунхузов удалось немного обуздать, однако без большой целенаправленной государственной программы сделать это было сложно.

После падения самодержавия и гражданской войны русский Дальний Восток сам стал объектом экспансии, как два десятка лет до того Маньчжурия. И чехословацкий корпус и не многочисленные части США, Англии, Франции и Италии можно рассматривать как случайных «гостей», а вот войска японской императорской армии обосновались серьезно и продержались дольше всех. Поэтому создание ДВР следует рассматривать как использование потенциала Дальнего Востока в борьбе с вполне возможным перерастанием экспансии в прямую оккупацию.

После изгнания интервентов советской власти пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и императорскому правительству. В 1926 году В.К. Арсеньев сделал обстоятельный доклад для III ОГПУ в котором охарактеризовал стратегическое положение русского Дальнего Востока (ПГОМ. 15433-200).

В 1929 году срабатывает «мина замедленного действия» – КВЖД. Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в кратчайшие сроки удается взять дорогу под свой контроль, разгромив значительно превосходящие силы китайцев. Но только военная победа не снимает проблемы. Всего через два года Япония «по-своему» решает восточный вопрос и начинает оккупацию Маньчжурии. В 1935 году дорогу приходится продать Маньчжоу-Го, а фактически – Японии, ставшей доминирующей силой на Дальнем Востоке.

Бои у озера Хасан и на реке Халхин-Гол 1938-39 гг. оказались серьезной проверкой стратегических расчетов, как СССР, так и Японии. Советская Россия учла просчеты идеологического восприятия войны. Пропаганда в отличие от императорской России работала полным ходом. Это дало свои положительные результаты. Японская же стратегема дала трещину. Планы «северного пути»¹ пришлось оставить и перейти к войне на Тихом океане. Упор только на твердость духа солдата не принес положительных результатов. Мало того, оккупированная Маньчжурия не дала необходимых средств для войны. Технически РККА превосходила японскую императорскую армию образца 30-х гг. XX века. Хотя у советского руководства и были серьезные претензии к собственно боевым действиям на Хасане, отраженные, в частности, в приказе наркома обороны № 0040 от 4 сентября 1938 года, основная задача была решена: Красная армия вышла победительницей. Не зря бойцы на Халхин-Голе вошли в историю, как поколение победителей [3, с. 19]. Главной же удачей (именно удачей, а не запланированным результатом) в противостоянии

¹ «Северный путь» – стратегическое направление согласно которому основным противником Японии являлся СССР.

СССР и Японии в этот период было то, что на боевых действиях не сказались так явно урон полученный в результате «Большого Террора», (главным образом, это изъятие из армии наиболее опытных военачальников и ликвидация диверсионных школ как стратегической единицы) [13].

Через шесть лет уже получившая опыт в войне Германией Советская армия смогла в ходе Маньчжурской операции сломить упорное сопротивление Квантунской армии. Хотя, надо отметить, это уже не была армия образца даже начала 30-х годов. Качество ее значительно снизилось. Но стратегема в том и заключается, чтобы сильного противника сделать слабым. Сказалась усталость. В течении долгих лет японская армия непрерывно воевала. Новые пополнения не успевали дорасти до уровня предыдущих. Экономический потенциал оккупированных областей не работал в той мере, чтобы обеспечить потребности войны.

После капитуляции Японии и окончания Второй Мировой войны «происходит смена» игроков. Стратегическим противником вместо Японии становятся США. А после 1949 года к ним потенциально добавляется КНР. Но, до конца 50-х годов отношения с КНР были более чем дружественные. Однако второстепенная роль совершенно не устраивала Китай. Если с США разногласия начались сразу после окончания Второй Мировой войны, то с Китаем борьба за гегемонию нарастала постепенно. Кульминацией стал конфликт на о. Даманский. Сразу было ясно, что захват острова не был военной операцией, так как не имел ни малейшего военно-оперативного смысла. Это было чисто политическое решение, направленное на переход Китая из числа второстепенных держав. После ряда стратегических, если не поражений, то безусловно и не удач (Карибский кризис, Пражская весна и др.) СССР начал терять стратегическую инициативу и его позиции в мире пошатнулись. К 1969 году Советский Союз находился в положении лучше всего обозначаемом шахматным термином «цугцванг», т.е. любое решение только ухудшает ситуацию или дает проигрыш. Действия направленные на то, чтобы как можно дольше не вводить в бой армейские силы, а оттеснять китайцев силами только пограничников следует признать самыми взвешенными на тот момент [1, с. 182]. Несмотря на воинственные заявления Мао Цзэдуна, Китай не только не был готов к полномасштабной войне с СССР, но и не был в ней заинтересован (хотя заинтересованность и понимание своих интересов не всегда совпадают). Цель состояла не в получении острова, или во вступлении в войну с СССР, а в выводе Китая из положения «младшего брата» в коммунистическом движении и «обитателя политических задворок» в мировой политике. Поэтому, хотя военное превосходство советской стороны и было несомненным, и военную компанию выиграл СССР, но политически выиграл только Китай, который вышел на мировую арену еще одним мощным игроком.

За весь период с 1860 по 1969 год русский Дальний Восток являлся стратегическим плацдармом гегемонии в Азии. Он остается им и по ныне. Мало того, динамика такова, что со временем эта роль будет все более возрастать. Разные российские деятели разворачивали и укрепляли этот плацдарм. Были как удачные решения, так и сомнительные, были и откровенно ошибочные (например, закрытие ГДУ в 1930 г.), однако все они дают возможность осмыслить современные тенденции и не повторять тех ошибок, которых можно вполне избежать, так как цена их слишком высока.

Литература

1. Бубенин В.Д. Кровавый снег Даманского. События 1966 – 1969. изд. 2-е доп. Владивосток. Русский Остров. 2009. 218 с.
2. Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. М.: Воен. изд-во, 2000. 255 с.
3. Дацьшен В. "Война и мир". Халхин-Гол в нашей повседневности. // Родина. 2009. № 8. с. 17-19
4. Карбышев Д.М. "Линия Мажино и позиция Зигфрида" // Военная мысль, 1939, № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fortification.ru/library/karbyshhev/> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
5. Клаузевиц, К. О войне. Москва: ЭКСМО; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 861 с.
6. Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. 527 с.
7. Нарочницкая Н. Российские природные ресурсы «должны принадлежать человечеству»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/5128.htm> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
8. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-55 г. Приамурский и Приуссурийский край. С.-Петербург. 1878. 424 с.
9. Нехама-Сара Шварц. «Взорвать мечеть Омара!» (рабби Шломо Горен генералу Узи Наркису 7 июня 1967г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://maof.rjews.net/history/18-history/11909-ls--r---7-67> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
10. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. т. 2. 528 с.
11. Свечин А.А. Стратегия. Военный вестник. М. ; 1927. 263 с.
12. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. – М. -Л.: Военгиз, 1928. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/index.html> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
13. Старинов И.Г. Записки диверсанта. Альм. "Вымпел", М., 1997. 444 с.
14. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. С-Пб., 1912. 428 с.
15. Хирата С. Как мы будем воевать. Токио, 1933. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/hirata/index.html> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]